

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

УДК 92. 93/94

Д. Д. Дубова, И. А. Карякина
Научный руководитель – И. А. Николаева

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА М. М. СПЕРАНСКОГО

В статье рассматривается проблема восприятия М. М. Сперанского его современниками, особое внимание обращается на личностные качества реформатора, которые играли значительную роль в его профессиональной судьбе.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, исторический образ и личность реформатора.

Образ одного из крупнейших реформаторов России XIX в., М. М. Сперанского, сложившийся у современников и потомков, отличается значительной противоречивостью, что вызывает необходимость разобраться в оценках и мнениях.

Известно, что М. М. Сперанский родился в селе Черкутино (Владимирская губерния) и в раннем детстве был слабым, болезненным ребенком, но мать его выходила. Вырос он в семье потомственных священнослужителей, рано выучился читать. В 9,5 лет мальчик был определен во Владимирскую семинарию. Там, по семинарской традиции, ему была дана фамилия «Сперанский» т.е. «подающий надежды». И. П. Фаворский, учившийся вместе с ним, вспоминал, что «во Владимирской семинарии товарищи прозвали его «Спасовы Очи», потому что он все знал, все понимал, все видел» [9, с. 14].

За время нахождения в семинарии Сперанский окреп физически: в рослом, с рыжеватой головой здоровяке никто не узнавал слабого, малоподвижного мальчика. О детской слабости напоминала лишь белизна лица и рук. Добродушие и скромность Михайло Михайловича, его мягкость, ласковое обращение со всеми вызывало уважение к нему.

Мировоззрение молодого Сперанского являлось стоическим: он носил в себе мрачное сознание своего бессилия перед внешними обстоятельствами и ощущение слабости перед собственными пороками. «Я – бедный и слабый смертный, с моим блестящим воображением и слабым разумом» [9, с. 30] – так представил он самого себя в заметках, писанных в сентябре 1795 года. В рассматриваемое время стремление к уединению в нем усилилось. Сперанский еще в молодости в качестве обитателя подлинного счастья выбрал собственную душу, будто предчувствовал, что все окружающие блага: блеск, честь, власть – будут в его судьбе непрочными.

Это сказалось на мнении современников о том, что в натуре Сперанского заложена скрытность, в нем не находилось желания делиться с кем-либо своими чувствами и мыслями. Биограф граф М. А. Корф утверждал, что Сперанский не имел никогда истинного друга [3].

Впоследствии Сперанский продолжил обучение в Санкт-Петербургской Александро-Невской семинарии. Очевидно, что воспитание, полученное в духовных семинариях, определило основу его характера – черты обходительности, мягкости манер, энциклопедическую образованность, сочетавшуюся с воспитанием в духе христианских добродетелей и философским восприятием мира.

Позже Сперанский был принят на государственную службу, и начался новый период его жизни. При этом каждый начальник Сперанского превращался в его верного покровителя. Это порождало у его современников и биографов мнение о том, что умение приспосабливаться к характерам, нравам людей лежит

в основании его карьерного роста. В итоге современники стали склонны видеть «угодливость и бесхарактерность» причиной карьерного роста чиновника. М. А. Корф в записи от 28 октября 1838 г. указывал, что Сперанский «не имел ни характера, ни политической, ни даже частной правоты» [3, с. 141].

Однако в письмах самого Сперанского есть удивительное признание: «Наука различать характеры и приспособляться к ним, не теряя своего, есть самая труднейшая и полезнейшая в свете...» [9, с. 56]. Очевидно, в этом и состояла разгадка так называемой «угодливости», которая была умением, которое сегодня вполне могли бы назвать профессиональной коммуникабельностью, и в этом, безусловно, Сперанский был идеальным чиновником. Сдержанность в характере и семинарское воспитание были хорошей опорой в этом сложном умении, позволявшем ему сохранить свое «я».

Следует учитывать, что в гражданскую службу Сперанский вступил сформировавшейся личностью. С одной стороны, это помогало ему сохранить свою личность в удушливой чиновнической атмосфере, а с другой – подавление истинных чувств формировало определенную искусственность речи и манер, которые не могли не чувствоваться современниками. Поэтому среди чиновников нашло распространение мнение, что Михаил Сперанский – человек гордый, независимый в суждениях, гордость которого иногда переходила в высокомерие и склонность к насмешкам. Дополнительным фактором, формировавшим такой образ реформатора, стала зависть придворных к успехам молодого выходца из неаристократических слоев.

Так, барон Густав Андреевич Розенкамф в своих записках писал, что Сперанскому, «обладавшему счастливыми дарованиями, привлекательною наружностью и при том в высшей степени искусством, лестью, удалось быстро пройти по первым ступеням служебной лестницы» [9, с. 180].

Карьерное возвышение приносило Сперанскому все новых и новых недоброжелателей. Жить и выполнять свои професси-

ональные задачи в такой атмосфере можно было, лишь закутавшись в облако равнодушия ко всему окружающему. Один из главных противников государственного деятеля, сыгравший одну из главных ролей в его падении, шведский барон Густав Мориц Армфельд так характеризовал Сперанского: «Странная личность, которая иногда возвышает нас, а подчас дает нам почувствовать нашу зависимость». И еще: «Он боится быть понятым и потому надевает на себя тысячу масок...» [9, с. 196]. Еще один заметный царедворец – Гавриил Петрович Ермолов – в марте 1813 г. написал памфлет на графа Сперанского, где назвал его «...лицемерным, ядовитым, честолюбивым и во зло доверенность Государя своего обращающим...» [4, с. 110], которому никто не доверял.

Такие характеристики, безусловно, можно было бы считать исключительно стремлением очернить политического противника, однако, помимо воли авторов, они выдают явную тревогу чиновничье-придворного окружения государя, вызванную, во-первых, непониманием личности и душевных свойств Сперанского, слишком отличавшихся от традиционных качеств среднего чиновника, живущего более личными интересами, нежели государственным благом, а во-вторых, подспудным чувством неординарности и масштаба государственного ума М. М. Сперанского.

Следует отметить, что выдающиеся интеллектуальные способности Сперанского единодушно отмечали все современники. Даже те, кто состоял в рядах злопыхателей. Так, современник, А. М. Тургенев, писал о М. М. Сперанском: «Наделенный от природы острым умом, энциклопедически образованный, он обладал способностью с полуслова, полупамятки постигать мысль другого и развивать ее до конца...» [9, с. 67].

Ф. П. Лубяновский, служивший рядом со Сперанским, писал в своих мемуарах: «В исходе 1802 года я нашел его в Министерстве внутренних дел уже в числе знаменитостей молодого

поколения по уму и витийству. В продолжение семи лет редкий день проходил без того, чтоб мы не виделись и не говорили о всем – о земном и неземном. Это время назову я весною Сперанского» [9, с. 127]. Его сослуживец Сергей Петрович Соковнин также считал Сперанского человеком с выдающимися способностями [4, с. 11].

Сохранившиеся письма Михаила Михайловича к дочери, написанные им уже во время ссылки, позволяют приоткрыть внутренний мир реформатора, понять реальные мотивы показного «равнодушия» и «скрытности» Сперанского. В них автор часто обращается к проблеме великодушия человека по отношению к другим людям, утверждает, что в людях, воспитавших в себе нравственные понятия, «вся горечь» должна находиться внутри их натуры. В частности, 16 июня 1820 г. он писал дочери: «Писать в сем расположении есть писать одне жалобы; а я сто раз запрещал себе всякое роптание» [7, стб. 1763]. Письма красноречиво свидетельствуют о философском настрое Сперанского в отношении своей судьбы, оценки своего возвышения и падения, отношения к нему других людей, как к проявлению божественной воли, которую необходимо принять со смирением и достоинством [7].

Интересно, что наиболее колоритный, полный противоречий и непонимания образ Сперанского создал в своем романе «Война и мир» Л. Н. Толстой: «...ни у кого он не видал этого спокойствия и самоуверенности неловких и тупых движений, ни у кого он не видал такого твердого и вместе мягкого взгляда полузакрытых и несколько влажных глаз, не видал такой твердости ничего не значащей улыбки, такого тонкого, ровного, тихого голоса...», «это был холодный, зеркальный, не пропускающий к себе в душу взгляд...» [8, с. 107, 108]. И хотя великий писатель передавал ощущение трагизма фигуры Сперанского, впоследствии именно такое, во многом «художественное» представление о великом реформаторе закрепилось в историческом сознании потомков.

Все вышесказанное позволяет во многом согласиться с мнением одного из современных историков – А. Левандовским, который утверждает, что разумный, исполнительный, рациональный Сперанский был во многом чужд такой стране, как Россия. Поэтому его никто не мог понять и принять, все только преклонялись перед его умом [9].

Фигура М.М. Сперанского для современников и потомков была и остается оваянной ореолом таинственности. Этот человек скорее вызывал у современников смешанные чувства страха, неприязни, зависти и восхищения, равно вызванные масштабностью его государственного ума, твердыми нравственными понятиями и религиозно-философским восприятием мира, которые слишком не вписывались в представления о «типичном государственном человеке».

Библиографические ссылки

1. *Вигель Ф. Ф.* Записки. – М.: Захаров, 2000. – 327 с.
2. *Вяземский П. А.* Из «Старой записной книжки» // Пушкин в воспоминаниях современников. – 3-е изд., доп. – СПб.: Академический проект, 1998. – Т. 1. – С. 136–142.
3. *Корф М. А.* Записки. – М.: Захаров, 2003. – 719 с.
4. *Минаева Н. В.* М.М. Сперанский в воспоминаниях современников: Конец XVII – первая половина XIX веков. – М.: Собрание, 2009. – 343 с.
5. *Нольде А. Э.* М.М. Сперанский. Биография. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 304 с.
6. *Опалинская М. А., Синегубов С. Н., Шевцов А. В.* История государства Российского: Жизнеописание. Т. IV. – М.: Книжная палата, 1997. – 782 с.
7. Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири. // Русский архив, 1868.
8. *Толстой Л. Н.* Война и мир. Т. II. Ч. 3. – М.: Лексика, 1996. – 128 с.
9. *Томсинов В. А.* Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Зерцало-М, 2013. – 457 с.

D. A. Dubova, I. A. Karyakina
Scientific supervisor – I. A. Nikolaeva

THE PROBLEM OF M. M. SPERANSKY HISTORICAL IMAGE

This article discusses the image of Mikhail Speransky in the eyes of contemporaries. Special attention is drawn to the personal qualities of the reformer, which played a significant role in his professional life.

Keywords: M. M. Speransky, the historical image and personality of the reformer.

УДК 93/656.2

Н. В. Василькова
Научный руководитель – Н. И. Горская

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВАЛУЕВСКОЙ КОМИССИИ, 1872–1873 гг.)

В статье рассматривается положение железнодорожного строительства на территории Смоленской губернии по данным, полученным в ходе работы Валуевской комиссии 1872–1873 гг. Обращается внимание на проблемы и трудности, возникавшие при строительстве железных дорог в регионе, а также на рекомендации по их устранению. Приводится мнение смоленских землевладельцев, принимавших участие в работе комиссии; делается вывод о связи модернизации и железнодорожного строительства.